

А. Фаминцын

Божества древних славян

Монография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11

А. Фаминцын

Божества древних славян: Монография / А. Фаминцын – М.: Книга по Требованию, 2023. – 362 с.

ISBN 978-5-458-23981-3

Фундаментальный свод сведений о дохристианском мировосприятии и обрядности славянских народов. Начало обращения восточных славянских народов в христианство относится к IX веку (у западных и южных славян этот процесс начался несколько раньше). Однако язычество, лишь медленно и постепенно вытесненное христианством, господствовало у славян далеко за пределами IX столетия, оставив и до наших дней глубокие следы во многих народных обрядах, поверьях и песнях. Христианство являлось у славянских народов как нечто чужеземное, оно стремилось вытеснить древних, отечественных богов, которых народ любил и почитал. Эти боги и поклонение им были связаны с преданиями, государственным строем и обрядами народа. Имена их возникли на почве родного языка, им воздавались почести по древнему обычью. Народ должен был отрекаться от своих богов и святыни, то, что прежде признавалось верностью и независимостью, провозвестниками нового учения называлось грехом и преступлением. Автор предлагаемой книги – Александр Сергеевич Фаминцын (1841–1896) – не был профессиональным этнографом или религиоведом, он был одним из самых известных в России историков музыки. Именно интерес Фаминцына к истокам русского и славянского песенного фольклора заставил его обратиться к изучению славянского язычества и его следов в народных песнях, заговорах, заклинаниях и других обрядовых текстах. Ссылки на «Божества древних славян» и другие его работы можно было встретить во многих сочинениях как российских, так и западных историков и этнографов, это сочинение внесло немалый вклад в развитие славяноведения.

ISBN 978-5-458-23981-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Красное солнце, проливающее свет и тепло, столь необходимые для всей живой природы, и святая небесная влага, орошающая и оплодотворяющая нивы и пастбища, таковы главные факторы, обуславливающие благосостояние и довольство земледельца и скотовода. К этим благотворным явлениям, но прежде всего к небу, источнику света и влаги, древний арий с благодарностью и любовью возносил свои взоры, к ним с благоговением припадал он, произнося молитвы и славословия, совершая умилиостивительные и благодарственные жертвоприношения. Небо, в лице его представителя, единого верховного бога вселенной, солнце и небесная влага, в свою очередь получавшие в воображении первобытного ария своих личных представителей, — вот общий фундамент, на котором в течение веков и тысячелетий воздвигались здания разнообразнейших вероучений, вот зародыш, из которого возникли и разрослись родословные деревья всех мифологий народов арийской семьи, в том числе, разумеется, и славян.

Изучение и исследование довольно обширного материала из области литературы, касающейся народной жизни славян, дало мне возможность убедиться в том, что все славянские народы, исходя из первоначального сознания божественности неба, солнца и небесной влаги, исповедовали многобожие; последнее выражалось в поклонении и прочим явлениям природы, которые нередко олицетворялись в образе богов. Боги эти обыкновенно получали названия, обозначавшие их характеристические свойства или качества; иногда, хотя и в меньшинстве случаев, они изображались в виде истуканов. Независимо от этого многобожия, постоянно с большею или меньшею ясностью сохранялась в народе идея о едином верховном боге вселенной, представителе неба. Этот взгляд на мифологическую систему славян находит себе подтверждение как в исторических данных, правда, довольно скучных, так в особенности в молитвенных возглашениях, уцелевших до наших дней в устах народа, именно: в песнях, обрядных изречениях и заклинаниях, несомненно свидетельствующих о возникновении своем на почве языческого миросозерцания.

Проводимый в статье моей взгляд на систему славянской мифологии, как в общем, так и во многих частностях, в значительной степени уклоняется от взглядов других авторов, занимавшихся до сего времени тем же предметом. С благодарностью пользуясь обильными материалами, собранными в цитируемых мною почтеннейших трудах славянских мифологов, я останавливался лишь на тех из приводимых авторами их соображений и объяснений, которые могли иметь для моих целей положительное значение. Что же касается соображений и объяснений, с которыми, со своей точки

зрения, я согласиться не мог, то я оставлял их в стороне, не входя с авторами их в полемику. Полемика составляла бы, по моему мнению, лишь ненужный балласт в труде, имеющем задачей не опровержение чужих мнений, а посильную попытку внести свет в темный мир славянской мифологии, при помощи фактов, хотя и давно уже всем известных, но получающих ныне, на основании сделанных мною сближений и сравнений с религиозными воззрениями древних народов, в особенности пелазгов и древних италийцев, — иную окраску, иное значение. Изучение славянской мифологии я начал обратным путем, т. е. прежде всего я познакомился с песенной литературой главнейших, ныне существующих славянских народов, в связи с обрядною стороныю их жизни. Пораженный единством основных воззрений и верований, проявляющихся в песнях и обрядных изречениях, а также чрезвычайным сходством многих обычаяв и обрядов славян южных, восточных и западных, давно уже разъединенных, живущих самостоятельной жизнью, не допускающей коренных взаимных влияний, я невольно стал искать в этих общих обычаях и обрядах, воззрениях и верованиях — остатки далекой, языческой, общеславянской старины. Жизнь славянина нынешнего, а тем более древнего, находится и находилась в теснейшей связи с обрабатываемой им кормилицей материю-землей. В этом отношении древние славяне естественнее всего могут быть сближаемы с пелазгами, которых греки называли «детьми черной земли». Сравнение мировоззрения древних славян, сказывающегося в произведениях народного их творчества, а также в данных, сообщаемых скучными письменными памятниками, с религиозным мировоззрением пелазгов и древних италийцев, легшим в основание мифологической системы греков и римлян, открывает новый горизонт в области изучения славянских древностей. Религия пелазгов и древних италийцев в основных своих положениях представляет весьма много общих черт с религией древних славян.

Не ограничиваясь сравнением религии славян с религией пелазгов и древнейших греков и италийцев, я старался отыскивать корни многих верований древних славян (и ныне еще продолжающих существовать в народе под именем суеверий) в религиозном мировоззрении древних ариев Ирана и Индии, с которыми славянство во многих отношениях представляет непосредственную связь, поразительное сходство и сродство. Гимны Вед и Авесты могут во многих случаях служить лучшими толкователями основных положений языческого миросозерцания славян. Как произведения специально выработавшегося класса жрецов или магов, они служат выражением, лишь в более

лишь в более художественной, более цивилизованной форме, тех коренных религиозных воззрений, которые, в более простой, первобытной, деревенской форме, проявляются в произведениях творчества славянина-простолюдина.

С целью не слишком распространяться и разбрасываться в своем исследовании, я с намерением совершенно воздержался от проведения параллелей со сродными явлениями в мифологии других новейших европейских народов, за исключением народов литовского племени, наиболее близко родственного славянскому и представляющего с последним много общих черт, на которые обращено мною некоторое внимание. Кроме того, и по отношению к славянской литературе, я держался предпочтительно литературы светской, преимущественно обрядной, песни и тех из обрядных изречений, заговоров и заклинаний, которые не имеют ничего общего с христианством или представляют только внешнюю связь с последним; на том же основании я почти совсем оставил в стороне и литературу духовного стиха и ограничивался лишь материалами, которые, так сказать, вошли в плоть и кровь народного сознания, образуя необходимую, неотъемлемую часть народного обихода, и потому представляют наибольшую гарантию в древности своего происхождения. Имея в виду народную поговорку: «Сказка — складка, а песня — быль»¹, я только с крайней осторожностью и в редких случаях пользовался былинами, в особенности же сказками, в которых древние черты, еще гораздо чаще, чем в песнях, являются перемешанными с новейшими наслоениями и чужеземными элементами.

По отношению к указанным материалам, которыми я предпочтительно пользовался в своем труде, я следовал иному пути, чем те ученые, которые, признавая историю народного суеверия в Европе «немыслимой без углубления в христианские источники», относятся с полным скептицизмом не только к народным языческим преданиям, но и ко многим сочинениям и даже историческим памятникам, способным в значительной степени разъяснить разные вопросы из области славянской мифологии. Такое «углубление в христианские источники», такое отрицание живущих в народе языческих традиций, а равно и огульное отвержение всех данных, заключающихся в сочинениях, составленных без вполне строгой критики, в памятниках, только заподозренных в подложности, приводит иногда к следующим результатам: высказываются, напр., предположения, будто бы Ярило, древний культ которого до нашего

---

¹ Буслаев. Ист. оч. I, 598.

времени оставил глубокие следы в обрядах целого ряда западных, средних и северо-восточных губерний России и в целой серии географических названий местностей, представляет не более, как искажение образа св. Юрия; что древнеславянский Волос (или Велес), засвидетельствованный Нестором и др., произошел из св. Власия и т. п. Мною избран путь диаметрально противоположный: точкой отправления в моем труде служили мне точно исследованные основы религиозного мировоззрения древних ариев Ирана и Индии, древних греков и италийцев, во многих отношениях свойственные и славяням, свидетельства о религии славян древних и средневековых писателей, народные песни, обрядные изречения и заклинания, возникшие на почве языческого мировоззрения народа, наконец, некоторые сведения, с подлежащею осторожностью извлеченные из памятников, хотя и заподозренных в подложности, из сочинений, хотя и обвиняемых в недостаточно критическом отношении их авторов к излагаемому предмету, но несомненно заключающих в себе многие данные, фактически доказанные иным путем, и, в свою очередь, проливающих нередко новый свет на эти факты, способствующих к более ясному и полному их уразумению.

Разработка поставленной задачи совершена мною в тех пределах, какие приблизительно намечены были мною при самом начале исследования, с целью разъяснить темный смысл многих молитвенных возглашений, встречающихся в славянских песнях, а также смысл многих обрядов и обычаяв, отражающихся в песнях и, в свою очередь, разъясняющих многие, на первый взгляд непонятные места и выражения в песнях, коими обычай и обряды эти сопровождаются.

Предлагаемая статья составляет, вследствие того, как бы введение в другой, более обширный труд, который я предполагаю озаглавить так: «Песни и отражающиеся в них обряды и обычай древних славян». В состав этого труда я предполагаю включить статьи следующего содержания: праздники, брак, смерть и могила, молитвы, стихосложение и музыкальный состав песен древних славян.

В В Е Д Е Н И Е

Славянское племя (именно южные и западные его ветви) начинает играть самостоятельную роль в истории с V и начала VI столетия после Р. Х.; историческая же жизнь самых сильных, достигших наибольшего политического развития, отраслей его — Руси и Польши — начинается лишь с IX века. Славяне были, однако, известны и древнему миру. Древние писатели греческие и римские, начиная с Гомера, нередко упоминают о них, называя их венедами, венетами, энетами, антами, наконец — сербами. Заняв за много веков до Р. Х. обширные земли, простиравшиеся на север и восток от Карпат, — земли, границы которых подвергались неоднократным, и притом значительным, изменениям, вследствие столкновений славян с соседними народами, вследствие дальнейших их выселений и переселений, направлявшихся то на север (когда теснили их кельты, германцы, римляне, с VII века до Р. Х. по II век после Р. Х.), то на юг и запад (с III века после Р. Х. до начала VII века) — славянское племя некоторыми отраслями своими достигало Англии, Голландии, Швейцарии, Италии, Пелопоннеса¹. «Энеты» встречаются в древнейшие времена и в Малой Азии, именно в Пафлагонии²; память о «венетах», живших в северной Италии, у Адриатического моря, увековечилась в названии города Венеции, воздвигнутого на прежней земле их, много веков после того, как они уже слились с римской народностью (во II веке до Р. Х.) и исчезли в ней. Древние писатели (Юлий Цезарь, Страбон и др.) упоминают в кратких словах еще о венетах арморийских, живших в Арморийской Галлии.

Свидетельства о древних славянах писателей, им современных, даже и в первые века нашего летосчисления, чрезвычайно скучны.

---

¹ Шафарик. Слав. древн. II, I, 10 и сл.

² Пафлагонам предшествовал вождь Палемен, храброе сердце, родом энет (Ἐξ Ἐνετῶν). Ил. II, 851—852. — Энеты составляли самую значительную часть населения Пафлагонии. Strab. XII, 543.

Причина этому явлению, по замечанию Шафарика, объясняется как нравственными свойствами славян, так и географическим положением занятых ими стран. Отличаясь от воинственных соседей своих сравнительною кротостью и спокойствием нрава, любя земледелие, ремесла и торговую промышленность, они охотнее защищали свои земли, чем заботились о завоеваниях, а потому «гораздо менее прославились у иноземных историков, особенно греческих и римских, обыкновенно следивших громы битв и мало уважавших тихое величие народов, чем другие народы, занимавшиеся грабительством и покорением света, чем соседи и обидчики их скифы, сарматы и т. п... В последующее время, когда славяне, час от часа побуждаемые то примером гуннов, аваров и булгар, то обидами, наносимыми им их беспокойными соседями, начали кровавые войны на Дунае с византийскими греками, а на Эльбе с немцами, то и иноземные историки стали более и более говорить о них»¹. По географическому положению своему мало доступные грекам и римлянам, страны закарпатские, служившие жилищем древним славянам и названные Птолемеем одним общим именем «Сарматия», оставались почти совершенно неизвестны писателям греческим и римским. Однако, и из тех кратких сведений и заметок о древних славянах, которым уделили место в своих трудах современные им историки, несомненно вытекает, что славяне были народ весьма многолюдный и притом оседлый, что они резко отличались от кочующих соседей своих, сарматов, гуннов, аваров и др., что они строили себе дома и возделывали землю, вели значительную торговлю, славились гостеприимством и ласковым обращением с чужеземцами; раздробленные на множество отдельных обществ, они избирали из среды своей, для ведения общественных дел, старшин (носивших различные названия: князей, бояр, жупанов и др.), руководствовались древними законами, поклонялись одному верховному богу и многим другим, более или менее важным, божествам, которым приносили в жертву плоды и животных².

Начиная с исхода V столетия после Р. Х., вслед за падением гуннов и Западной Римской Империи, славянские народы стали распространяться на юг и запад, к Дунаю и Эльбе, и, вследствие того, приходили в частые столкновения с греками и германцами;

---

¹ Шафарик. Слав. древн. I, III, 269—270.

² См. Anton. Erste Lin. I, II. Стат.: Religion, Regierungsform и пр. — Суро-вецкий. Иссл. нач. н. слав. — Шафарик. Слав. древ. I, III, 277 и сл. — Ка-рамзин. Ист. гос. Росс. I, III. — Соловьев. Ист. Росс. I, III. — Макушев. Сказ. иностр. II. — Гаркави. Сказ. мусульм. — Воцель. Древ. быт. ист. сл. II. — Krek. Einl. in d. sl. Liter. I, 41 и сл. и др.

тем не менее, однако, известия о них до X века продолжают быть все еще весьма скучными: «Мир не имел уже более Плиниев и Тацитов, — говорит Шафарик. — Греческие писатели, не отличавшиеся своими обширными познаниями, оставили нам только одни частные известия, и то о таких лишь поколениях, которые были всего ближе к ним; напротив, ничего основательного не умели сказать нам об отдаленнейших племенах».¹ И западные соседи славян, германцы, оставили о быте их сведения, относящиеся, однако, уже ко времени утверждения и распространения в Германии христианства. Сведения эти, не всегда беспристрастные, напротив, нередко окрашенные враждебным по отношению к славянам оттенком, сохранились в германских летописях, составителями которых, по преимуществу, были лица духовного звания, принимавшие весьма близко к сердцу дело распространения христианства между соседними славянскими народами, с живым интересом следившие за ожесточенной борьбой, которую вели германцы со славянами, и излагавшие в трудах своих события, которым они нередко сами были свидетелями. Достойны внимания и труды средневековых мусульманских писателей, доставивших немало интересных сведений о быте древних славян. Наконец, в середине XI столетия, начинается отечественное бытописание наше — Несторова летопись. При помо-щи названных источников, которые с X столетия становятся все более и более обильными, и в состав которых входило как изложение происшествий современных их авторам, так и описание событий предшествовавших веков, почерпаемое из летописей еще более ранних, ныне частью утраченных, а также из древних сказаний и песен народных, — мы можем до некоторой степени уяснить себе не только взаимное географическое расположение в древние времена главнейших ветвей славянского племени на громадном, занятом ими с незапамятных времен пространстве, но и главнейшие события, которыми ознаменовалось вступление их в историческую жизнь.

Всю массу славян, по этнографическим особенностям, языку и религии, привыкли разделять на два главные разряда или отдела: южно-восточный и западный. К первому причисляются народы: иллирский (сербы задунайские, хорваты и хорутане или словинцы), болгарский и русский (великоруссы, малоруссы и белоруссы), ко второму — народы: ляшский (ляхи или поляки, силезцы и поморяне), чешский (чехи, мораване и словаки или словены) и полабский (славяне, жившие и отчасти еще и теперь обитающие в Северной

---

¹ Слав. древ. II, I, 14.

Германии: лютичи, бодричи, мильчане, лужицкие сербы и др.).¹ Многочисленные, часто враждовавшие между собою, первоначально не представлявшие политического сплочения поколения славянские, приходя в столкновения с инородными соседями своими, на западе — с германцами, на юге — с византийцами, на востоке — с азиатскими племенами, кочевавшими по ту сторону Днепра, по области Дона и Волги, наконец с севера — с племенами литовским и финским (Чудью), то врезывались во владения этих соседей, то отступали обратно, теснимые противниками.

Раньше всех становятся известными южные славяне (народы, получившие впоследствии названия болгар, хорватов и сербов), вследствие неоднократных набегов своих (начиная с III века после Р. Х., сперва еще в сообщничестве с гуннами) на задунайские земли, которые они и заселили окончательно на исходе VI и в начале VII века. «На третий год после смерти Юстиниана и царствования Тиберия Победоносного, — пишет церковный историк Византии, Иоанн Эфесский (современник Юстиниана), — выступил проклятый народ славянский и производил набеги на всю Элладу, местности Солуни и всю Фракию. Они завоевали много городов и укрепленных мест, опустошали, жгли, грабили страну и овладели ею; они поселились в ней без страха, как будто она им принадлежала. И до нынешнего дня славяне живут, сидят и покоятся в римских областях без забот и страха, грабя их и разоряя огнем и мечом. Они разбогатели, приобрели золото и серебро, табуны лошадей и множество оружия, которым научились владеть лучше, чем римляне»². В VI же веке другие славянские поколения (хорутане, называвшиеся у немцев виндскими славянами), теснимые с востока аварами, покорившими Дакию (нынешнюю Румынию и Венгрию), двинулись на запад и населили местности, известные под названиями Восточной Марки, Каринтии, Крайны, Штирии и Тироля. Вероятно, к тому же времени относится заселение хорутанами и Фриуля и Истрии. К северу от хорутан, в конце V и начале VI столетия, заняли нынешнюю Богемию поколения, получившие в IX и X веках общее название чехов. В IX веке становится известным народ моравский, наименование которого очевидно заимствовано от реки Моравы, орошающей занятую им землю. От мораван постепенно отделялись ветви, заселившие преимущественно склоны западных

---

¹ Так делит славянское племя Шафарик (Слав. древн. II, I, 50). Некоторые причисляют поморян к отделу полабскому или балтийскому, а также рассматривают лужицких сербов как особую группу (Пыпин и Спасович. Ист. сл. лит. I, 7; II, 1062).

² См. Макушев. Ист. задун. сл. 6—7.

Карпат и значительную часть Паннонии, под именем словаков. К северу от чехов, между реками Бобром и Салою, по обеим сторонам Эльбы (Лабы), поселились сорбы (сорабы) или сербы, состоявшие из нескольких поколений, из которых главнейшие были лужичане в нынешней дольной Лузации и мильчане — в горней. Еще далее на север, по Балтийскому побережью, расположились (начиная с V столетия) разные поколения, известные под общими названиями бодричей (ободритов), в нынешней Голштинии и Мекленбурге, и велетов или лютичей — на пространстве от Эльбы до Одера¹. На восток от Лютичей, до Вислы, поселились поморяне (в нынешней Померании), к югу и юго-востоку от них — слезяки (силезяне) и ляхи (поляки) и, наконец, на крайнем востоке, многочисленные поколения славянские, которые, по свидетельству нашего летописца, сели по Днепру, Западной Двине, около озера Ильмена, на верховьях Волги, по Оке, Десне, Бугу, Днестру², и, с течением времени, слились в один народ, в одно государство Русское.

Движение славян на юг и запад, начиная с VII столетия, останавливается; встречая, в то же время, к распространению своему на восток преграду в кочевавших по равнинам Дона и Волги азиатских племенах, славянство — именно восточные его отрасли — направило свой путь на северо-восток: в эту сторону расстилалась перед ним обширная равнина, слабо заселенная племенами чудскими, которые, находясь на сравнительно низшей степени культуры, чем славяне, частью были покорямы ими, смешивались с новыми пришельцами и терялись в их массе, частью, уступая напору их, переселялись еще далее на север и северо-восток.

Разрозненность многочисленных родов и поколений славянских и частые раздоры между ними имели следствием, что многие из этих поколений, преимущественно расположенные на окраинах занятой славянами области, не в состоянии были противостоять нападениям более сильных соседей и подпадали их власти. С другой стороны, однако, в этой, если можно так выразиться, рыхлой массе славянства постепенно возникали государственные центры, вокруг которых группировались и сплачивались ближайшие к ним поколения, образовались отдельные, более или менее могущественные, славянские государства: в VII веке государство Болгарское и недолго, впрочем, существовавшее обширное королевство или союз западных славян, основанное загадочною личностью Само; в IX столетии — государства: Велико-Моравское, Хорватское, Русское и Польское; в

¹ Krek. Einl. in d. sl. Liter. I, 68 и сл.

² П. С. Р. Л. I, 3, 5.

XII веке – королевство Сербское. Славяне северо-западные (полабские, т. е. жившие по реке Лабе или Эльбе, и балтийские), никогда не составлявшие одного политического целого, уже во второй половине XII столетия оказываются окончательно покоренными немцами; еще гораздо ранее того, в VIII веке, хорутане, также не успевшие до того времени слиться в самостоятельное государство, подпали власти баварцев, а затем страна их вошла в состав монархии Карла Великого.

Славяне, говорит Гердер, «поселялись обыкновенно в землях, покинутых другими народами и возделывали их как колонисты, в качестве пастухов и земледельцев; таким образом, мирное, прилежное присутствие их приносило только пользу странам, опустошенным и разоренным предшествовавшими войнами и походами. Они с любовью возделывали землю, занимались и разными домашними искусствами и повсеместно открывали полезную торговлю произведениями своей страны, плодами своего трудолюбия. Они построили по берегам Балтийского моря, начиная с Любека, города, между которыми Винета на острове Руяне была славянским Амстердамом... На Днепре они воздвигли Киев, на Волхове – Новгород, вскоре сделавшиеся цветущими торговыми городами, они соединили Черное море с Балтийским и снабжали северную и западную Европу произведениями востока. В (нынешней) Германии они разрабатывали рудники, умели плавить и лить металлы, приготовляли соль, ткали полотно, варили медь, разводили плодовые деревья и вели по своему вкусу веселую, музыкальную жизнь. Они были щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вместе с тем были покорны и послушны – враги разбоя и грабежа. Все это не избавило их от притеснений со стороны соседей, напротив, способствовало тому. Так как они не домогались владычества над миром, не имели жаждущих войн наследственных государей, и охотнее делались данниками, если только тем можно было купить спокойствие своей страны, то многие народы, в особенности принадлежавшие германскому племени, сильно погрешили против них. Уже при Карле Великом начались те жестокие войны, которые очевидно имели целью приобретение торговых выгод, хотя и велись под предлогом распространения христианства: храбрые франки, конечно, находили более удобным, обратив в рабство прилежный земледельческий и торговый народ, пользоваться его трудами, чем самим изучать земледелие и торговлю, самим трудиться. То, что начали франки, доверили саксы; в целых областях славяне были истребляемы или обращаемы в крепостных, а земли их разделялись между епископами и дворянами. Торговлю их на Балтийском море уничтожили северные германцы; Винета была разрушена датчанами,